

Марина ГАЕВСКАЯ

Такого рода вечеров у меня почти никогда не было, — говорит Вера Васильева. — Мне самой там очень понравилось и даже подумалось, что, наверное, я актриса небольших залов: когда я чувствую симпатию зрителя, его желание побыть со мной, что-то узнать обо мне, то и сама хочу как-то полнее раскрыться, становлюсь свободнее, органичнее.

— Вера Кузьминична, тот вечер вы начали с «Воительницы» Лескова, премьера которой, кстати, тоже состоялась на малой сцене Театра сатиры, а уже потом спектакль перекочевал на большую. Ту же роль вы исполните сегодня, в день своего юбилея. В этом выборе — ваше особое пристрастие к лесковской героине или просто случайность?

— «Воительница» для меня сегодня, можно сказать, единственный полнокровный спектакль, полнокровная роль, которая дает мне некоторый покой, ощущение достойного существования на сцене. И, кроме того, я, конечно, очень ее люблю.

— Ваша Домна Платоновна — существо очень противоречивое: престоудушное, бескорыстное, доброе и в то же время хваткое, расчетливое, рассудительное. Но главное, по-моему, то, что она — «художница, артистка, любящая свое дело». В ней есть, мне кажется, и еще одно качество, которое вы сами определили как

Прекрасная воительница

Актерские творческие вечера нередко похожи друг на друга. А этот запомнился. Не чувствовалось в нем ни стандартной запланированности, ни схематичности или помпезности. Но было как-то очень тепло и уютно в маленьком зале Дома актера. При всей скромности и неброскости происходящего на сцене за, казалось бы, традиционными отрывками из ролей, музыкально-психическими зарисовками, просто отдельными фразами возникали характер и судьба человеческая и актерская. «Это не концерт, — предупредила собравшихся героиня вечера Вера Кузьминична ВАСИЛЬЕВА, — я воспринимаю нашу встречу как возможность открыть душу». И это ей удалось. Женское и артистическое обаяние бенефициантки создавали в зале атмосферу какой-то теплоты и доброжелательности. Ведь Вера Кузьминична человек мягкий, интеллигентный, легкий в общении, умеет найти контакт с самыми разными людьми, мгновенно превращая их в своих единомышленников. Уверена, что тот вечер у многих остался в памяти. А каковы впечатления самой актрисы?

«старинность души».

— Для меня самой очень органично это определение. Мне кажется, что я живу достаточно гармонично в нашей действительности, в нашем веке, но душевно я себя лучше чувствую в веке девятнадцатом. Наверное, это сказывается и в отношении к людям, и в том, что я люблю читать, и в том, как воспринимаю драматические события жизни и как часто произношу слова «кротость», «терпение», не очень свойственные нашему времени. То есть психологически, если можно так сказать, я себя больше ощущаю там, чем здесь. Но мне это не мешает существовать и в нашей жизни. Я верю, что во все

века на добро отвечают добром, и вижу много хорошего в людях.

Эта «старинность души» была свойственна и моим родителям. Мой папа был очень кротким, милым, лирическим человеком, а мама — гордой, сильной, мечтательной. Но их душа одинаково откликалась на добро. И семья была очень добропорядочная, скромная — это остается на всю жизнь. Я и сейчас боюсь быть заметной, эффектной и одеваться люблю прилично, но не бросаю. А вот на сцене мне нравится, когда все ярко, красиво. Люблю костюмы XIX века, как, конечно, люблю и своих «классических» героинь, которых играла или играю сейчас.

Классические героини Веры Васильевой очень разные, но можно, наверное, сказать, что «старинность души» в той или иной мере присуща всем: и внешне грубоватой, деловитой Домне Платоновне, и даже недалекой, суетливо кокетливой Анне Андреевне в гоголевском «Ревизоре» или томной Ольге Дмитриевне в «Тенях» Салтыкова-Щедрина, комически сочетавшей в себе деловитое занудство и наивную бесшабашность. И, конечно же, «гастрольным» ролям: Раневской в чеховском «Вишневом саде» в Твери и Кручинину в «Без вины виноватых» Островского в Орле.

— Вы продолжаете сегодня свои поездки?

— Кручинину в Орле играю до сих пор, и пока мы еще не думаем расставаться. В «Без вины виноватых» зрители поначалу ждут сентиментального зрелища, но мы старались подойти к этой пьесе как можно более правдиво, стремились к точности, ведь сейчас столько горя: переполненные детские дома, огромное количество брошенных детей. И постепенно люди начинают тянуться к непоказному добру, сочувствовать реальному человеческому горю. А «Вишневый сад» в Твери, к сожалению, по ряду объективных причин сошел с репертуара: спектаклю двенадцать лет, для маленького города это очень много, его уже пересмотрели все, кто хотел, наверное, даже не одно поколение, и, конечно, актеры состарились. Но я по-прежнему люблю тот спектакль, люблю своих партнеров.

Но с Раневской актриса не расстается. На вечере эта роль прозвучала как моноспектакль. И тот прием, который был избран — показ характера героини через одновременное воспоминание о роли и частичный комментарий действия — дает достаточно полное представление о спектакле и тем, кто его не видел.

Поэтические пристрастия Веры Васильевой тоже про-

явились на вечере: она читала М.Цветаеву и А.Ахматову. Мне кажется, что ее сдержанно-женственному облику больше подходит поэзия Ахматовой, нежели дерзкая, взрывная стилистика Цветаевой.

— Вы правы, но я почти не исполняю стихов со сцены и отнюдь не считаю себя чтецом. Просто хотелось какого-то самораскрытия через поэзию, и я выбрала то, что мне близко, не стараясь «подать» поэта, а просто рассказывая о себе. Я пыталась существовать в стихотворении, как в роли, в монологе женщины, находящейся в определенном душевном состоянии.

— Еще одна женская судьба воплотилась в стихотворении А.Дементьева. Вы сказали, что представляете себе на месте героини поэтического монолога почти реальный прототип — актрису, живущую в Доме ветеранов сцены. Почему вас заинтересовала эта тема?

— Мне показалось, что это интересно. И там, в Доме ветеранов, сохраняются ампулы: «героини» говорят как-то по-особому приподнято, «травести» любят челочки. Я бываю там по делам социально-бытовой комиссии СТД, вижу этих людей, они, конечно, ощущают свой возраст, но, уже не играя на сцене, про-

должают жить в своих ампулах.

— Актриса всегда и везде остается актрисой.

— Да. Я сейчас репетирую роль актрисы в «Священных чудовищах» Кокто с А.Вилькиным. Мне самой и зрителям, конечно, трудно представить меня французской примадонной. Но меня привлекает как раз не то, что моя героиня примадонна, а то, что эта пьеса об актрисе, находящейся в критическом переломном возрасте. В ней сочетаются женское и актерское предощущение какого-то финала и в то же время жажда борьбы, в которой творческая натура находит силы для того, чтобы все пережить артистично и с достоинством. И, конечно, важно для меня и то, что главная любовь героини — театр, творчество.

— Вера Кузьминична, в финальной песне об актерском призвании, которую вы исполняли на своем вечере, есть слова: «Слезы и смех наш бодрый, нашу мечту и боль можно назвать работой, лучше назвать судьбой...». Слова эти со стороны могут показаться немного высокопарными, но ведь в конечном итоге они, наверное, правдивы и точны?

— Конечно, для меня моя работа — это моя судьба, а

мое пребывание в профессии — моя жизнь, другой мне просто не надо. Хотя я себя иногда готовлю и к тому, что роль может быть все меньше и меньше, но я не представляю, что смогу порвать со своей профессией и быть спокойной и счастливой. Мое отношение к театру не стало рациональнее с тех пор, когда я девчонкой покупала билеты на галерку во МХАТ и была самым счастливым человеком. И сейчас, когда я прихожу в чужой театр и мне нравится спектакль, я чувствую себя той же счастливой девчонкой. Так что театр остался моей страстью, любовью, жизнью, всем.

...На сборе труппы Театра сатиры, в преддверии своего юбилея, Вера Кузьминична была, как всегда, элегантна, подтянута и улыбчива.

Говорят, что после сорока лет человек отвечает за свое лицо, оно невольно отражает душу. Душа Веры Кузьминичны всегда остается молодой и красивой, и потому ее одинаково любят и те, кто помнит милую круглолицую девчонку из «Сказания о земле Сибирской», и те, кто приходит сегодня в театральные залы Москвы, Твери...

И в день юбилея актрисы пожелаем ей счастья. И пусть всегда она остается такой же доброй, отзывчивой и открытой людям. ●